

УДК 141: 62

А.Ю. Внутских

НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРЦЕНТРИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ СИНТЕЗ?

Обсуждается применение натуралистической и культур-центристской исследовательских программ в философии техники. Автор полагает, что сильной стороной первой программы является концепт научно-технического прогресса как объективной закономерности. Сильной стороной второй программы является акцент на необходимости сохранения и развития собственно человеческого в культуре. Автор высказывает предположение о возможности синтеза в современной философии техники данных альтернативных программ в ходе философского осмысления тенденций развития и социальных импактов NBICS-технологий.

Ключевые слова: научные исследовательские программы, натурализм, культурцентризм, этапы и закономерности развития философии техники

Известно, что техника – это древнейший феномен, который сопровождает человека с момента его появления на Земле. Б. Франклин прямо определял человека как «tool-making animal», а К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «люди начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни», а такое производство немислимо без орудий труда, т.е. без определенной техники и технологии. Однако только в XIX столетии техника начала осознаваться как самостоятельный феномен, и появились специфические формы его рефлексии: сначала в форме технических наук, а затем и в форме философии (во второй половине XIX века).

При этом показательно, что формирование технических наук опередило появление философии техники практически на столетие, если не больше. Формирование технических наук началось еще в XVIII веке, явным показателем чего стало появление не только специализированных технических учебных заведений, например Горного училища (Санкт-Петербург, 1773 г.), но и первых технических университетов: Чешского технического университета (Прага, 1707 г.) и Политехнической школы (Париж, 1794 г.) Однако первый универсальный двигатель (паровой) к тому времени уже был изобретен и успешно совершенствовался, причем в первую очередь не учеными, а техниками-практиками; наука же паровой машиной практически не интересовалась на протяжении всего XVIII века и даже в начале века XIX [1, с. 187].

Философия техники как таковая появляется позже – хронологически приблизительно в одно время с формированием электротехники, которое «с самого начала было неразрывно связано с открытием новых физических законов»; та-

© Внутских А.Ю., 2015

Внутских Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и права, ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: avnut@inbox.ru.

ким образом, «учение об электричестве явилось первой наукой, на основе которой создавалась промышленность...» [1, с. 368]. Соответственно, мы должны констатировать важный факт: появление философии техники пришлось на начало *превращения науки в ведущую производительную силу в рамках всеобщего (научного) труда*, тенденцию к развитию которого впервые отметил К. Маркс.

На наш взгляд, непосредственной причиной этого стало формирование именно в позапрошлом столетии ширококомасштабного машинного (механизированного) производства, окончательное оформление «индустриального общества», когда капитализм обрел наконец вполне адекватный своей сущности технический и технологический базис, впервые получивший выражение именно в электротехнике. Для обоснования этого тезиса достаточно сказать, что «родовая черта» индустриального общества – это конвейерное производство, а его было невозможно реализовать на основе парового двигателя из-за непреодолимых трудностей при передаче и делении полученной энергии [2, с. 48–49]. Колоссальное повышение производительности труда (по оценкам, с широким внедрением электротехники в реальный сектор экономики – до 15000 раз [2, с. 68]), и вместе с тем превращение человека в придаток конвейерного производства, нарастающее отчуждение техники от своего создателя – вот в каких социокультурных условиях Э. Капп впервые вводит понятие «философия техники» (1877).

Правда, насколько мы можем судить, первые философы техники не вполне осознавали глубину проблем, индуцированных научно-техническим прогрессом. Это было время, когда господствовало сциентистское понимание техники как прикладной науки и даже «органопроекции человека» (по Э. Каппу), а наука понималась как универсальный рецепт для решения всех общественных проблем, как безусловно позитивно оцениваемая высшая культурная ценность, в существенной мере определяющая общественный прогресс. Картина получалась очевидно слишком «благостной» для мятежного подлинно философского дискурса. В известном смысле мы имеем дело с этапом развития философии техники до философии техники.

Однако вне рамок только что народившейся философии техники и пока без использования самого этого термина подлинно философская рефлексия в отношении взаимодействия человека и техники постепенно оформлялась. Например, Ф. Ницше предсказывал, что рационализация и технологизация всей общественной жизни в условиях индустриального общества не может привести к глубокому кризису человека, к появлению в конце концов «нашего счастья» потребителя, «последнего человека», делающего все «маленьким», ничтожным – в том числе себя самого и Землю [3].

По-своему первые признаки этого кризиса характеризовали и основоположники марксизма, внесшие, по признанию М.А. Барышева, «решающий вклад в постановку проблемы философского осмысления техники» [4]. Если философы-иррационалисты видели причины постепенно разворачивающегося кризиса в системе «человек-техника» в доминировании человеческой рациональности как та-

ковой, то вторые – в несовершенных производственных отношениях, вынуждающих людей применять эту рациональность разрушительным и саморазрушительным образом. Маркс отмечал, что «машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря какому-то странному и непонятным чарам превращаются в источник нищеты. Победы техники куплены ценой моральной деградации... Все наши открытия и весь наш прогресс приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишённая своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» [5, с. 4]. Осознание объективно амбивалентного характера техники, ее способности и к порабощению, и к освобождению человека, таким образом, стало отправной точкой для подлинно философской проблематизации технического развития, исследования его человеческого измерения. Таким образом, мы можем констатировать, что философия техники как *философия в строгом смысле слова привносится в новаяявленную философскую дисциплину в существенной мере «извне»*: из практической философии, философии социальной, из политэкономического анализа.

Для обобщения наиболее существенных особенностей этапов развития философии техники мы предлагаем обратиться к концепции научных исследовательских программ И. Лакатоса. Лакатос понимал научные исследовательские программы как значительные последовательности в истории науки, характеризующиеся «непрерывностью, связывающей их элементы в единое целое... Программа складывается из методологических правил, часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)» [6, с. 79]. Правила эти, как признавал Лакатос, в конечном счете имеют метафизический характер.

В социально-гуманитарных науках XX века крупнейшими исследовательскими программами являются натуралистическая и культурцентристская: именно «эти программы следует признать основными в методологии обществознания» [7, с. 63]. Начало же этим программам, по-видимому, было положено также в конце XIX – начале XX века в работах В. Дильтея и Г. Риккерта. И если теперь вернуться к первому этапу развития философии техники, то первоначально, на упомянутом этапе «философии техники до философии техники», доминирующей в ее развитии была, по-видимому, «натуралистическая» исследовательская программа, сводящая и самого человека к природному объекту, звену причинно-следственных связей.

Главными чертами, по сути, метафизическими правилами, составляющими основу натуралистической исследовательской программы, являются следующие.

1. Натуралистическая программа утверждает, что социальный мир рационален и может быть уподоблен вещам.

2. Соответственно, ведущее методологическое средство здесь – объяснение социальных фактов как вещей, как тождественных, среднетипичных явлений посредством выявления закономерностей, имеющих общий характер.

Понимание человека как объекта казалось тогда основным, поскольку отражало факт успешного развития естествознания, появления технической науки и образования, все более масштабного технического преобразования природы и прогрессивного развития индустриального общества. Служебный и вполне контролируемый человеком характер технического развития в свете мифа о бесконечном прогрессе индустриального общества казался самоочевидным и не требующим проблематизации. Сама по себе идея прогресса – это вполне уважаемая идея, глубоко фундированная в европейской культуре, имеющая более чем достаточные фактические основания и чрезвычайно важная для будущего человеческой цивилизации [8]. Однако подчеркнем еще раз: там, где нет проблемы и ситуация воспринимается как «сама собой разумеющаяся», там нет и подлинной философии. Как отмечал Г. Гегель, «сова Минервы вылетает только с наступлением сумерек». Поэтому для характеристики данного этапа мы предлагаем ввести понятие натуралистической «предфилософии» техники», еще слабо дифференцированной от науки – по аналогии с определением А.Н. Чанышевым еще не дифференцировавшихся от мифа форм философствования как «предфилософских» [9]. Основной тезис натуралистической «предфилософии» техники, например философии Э. Каппа: человек – и субъект, изобретающий технику по своему образу и подобию («принцип органопроекции»), контролирующий развитие техники, и объект «социальной инженерии». Внутренняя противоречивость этого тезиса и потенциальная опасность «обратной» технизации самого человека не осмысливается в полной мере.

Подчеркнем, что натуралистическая программа философии техники в формате учений более или менее технократической окраски существует и успешно развивается и в наши дни. Например, многие теоретики постиндустриальной трансформации – Д. Белл, О. Тоффлер, М. Кастельс – отдают дань этому подходу. И можно понять почему. Именно в его рамках был сформулирован ценный тезис о *научно-техническом прогрессе как объективной закономерности общественного развития*. На наш взгляд, эта идея имеет непреходящее значение для философии техники и обязательно должны быть принята в расчет при ее дальнейшем развитии.

Вместе с тем начиная с середины – второй половины XX века развитие техники в системе производственных отношений вступившего в период кризиса индустриального общества ставит под вопрос само существование на Земле и «первой природы», и человека. Только теперь, после ужасов Первой, а затем и Второй мировых войн, после появления и первого опыта применения оружия массового уничтожения, нарастающего экологического кризиса становится понятен действительный смысл тезисов Маркса и Ницше об ам-

бивалентности научно-технического прогресса в условиях индустриального капитализма. Причем именно в этот период эволюция техники начинает в значительной мере определять ход развития «Большой науки» (сциентизация техники и технизация науки в рамках НТР). Итак, философия техники как полноценная философия появляется, когда техника осознается как самостоятельный «игрок» на социальном поле, а развитие техники вместо полезного «приложения» естествознания начинает интерпретироваться как человеческая проблема и как таковая рассматривается уже в терминах иной, культурцентристской исследовательской программы.

Соответственно, мы предлагаем тезис о культурцентристской философии техники как втором этапе ее развития, который не исчерпан и в наши дни. Особенности культурцентристской программы социально-гуманитарных наук сводятся к следующим основным моментам:

1. Согласно культурцентристской программе социальный мир как минимум не вполне рационален; она открывает культуру как логически первый объект наук о человеке и обществе, уподобляет социальный мир человеку, настаивает на включение в его научную характеристику ценностей субъекта.

2. Ведущее методологическое средство здесь – понимание социальных фактов как уникальных источников смысла, как нетождественных друг другу явлений, принадлежащих породившей их культурной среде.

Соответственно, безоглядный оптимизм в отношении НТР сменяется тревогой: сначала в связи с отчуждением техники от создавшего ее человека, от «первой природы», а затем и в связи с прогрессирующим «выдавливанием» человеческого (человека как создателя и потребителя культуры) из технизируемой социальной реальности. Основной лейтмотив культурцентристской философии техники – это протест против сведения человека к объекту, протест против прогрессирующей технизации и технологизации человеческого в человеке.

Классиками этого этапа развития философии техники стали, например, Н. Бердяев и М. Хайдеггер. Ярким представителем современной отечественной культурцентристской философии техники можно назвать В.А. Кутырева [10]. В рамках данной работы мы предполагаем обратиться к творчеству ранних представителей данного подхода, которые потенциально заложили как сильные, так и слабые его стороны, реализованные их последователями.

Н. Бердяев утверждал, что техническая эпоха низводит человека до средства, до орудия производства продуктов, ставит вещь выше самого человека. Машина, которая по своей природе «антигуманистична», уже сделала машиноподобным и капиталистическое, и социалистическое общество и незаметно превращает в свой образ и подобие человека, стремится овладеть духом и поработить его, делает все социальные явления безлично-массовыми и анонимными. Самостоятельно человек не способен справиться с этим вызовом, поскольку вся деятельность индустриального общества направлена на техни-

зацию собственно человеческого. Поэтому решения проблемы порабощения человека техникой в «посюстороннем мире» Бердяев не видит. По его мнению, это решение находится исключительно в плоскости возвышения духа на религиозной, христианской основе [11]. На наш взгляд, Бердяев верно указывает на опасность развития техники в формате индустриального общества, однако его концепция достаточно феноменологична, и именно потому решение охарактеризованных им проблем выносится исключительно в область трансцендентного.

Еще один представитель культурцентристской философии техники М. Хайдеггер считал инструментальное («средство для достижения целей») и антропологическое («человеческая деятельность») определения техники недостаточными, маскирующими ее существо. По его мнению, именно поэтому попытка «утвердить власть духа над техникой», овладеть ею (к чему, например, призывал Бердяев) оказывается безуспешной. Определяя существо техники, Хайдеггер, во-первых, подчеркивал специфику техники общества традиционного, когда слово *τέχνη* означало ремесло и высокое искусство, а слово *ποίησις* – не только поэзию, но и сотворение, производство. И тогда, и сейчас техника осуществляет «прояснение», «раскрытие потаенного». Однако это раскрытие может осуществляться по-разному. По мнению Хайдеггера, техника традиционного общества была ориентирована на заботу и уход, а не на эксплуатацию. Так, крестьянин «посеяв зерно... вверяет семена их собственным силам роста и оберегает их произрастание» [12].

Иначе обстоит дело с техникой индустриального общества: «то раскрытие, каким захвачена современная техника, разворачивается не про-из-ведением в смысле *ποίησις*... Такое производство всегда с самого начала несет в себе установку на... увеличение производительности в смысле извлечения максимальной выгоды при минимальных затратах, «энергично встает в противительное отношение к тому, что есть». Это – поставляющее производство или по-став, которое и человека использует как объект, поставленный промышленностью на определенную функцию. Опасность же заключается в том, что человек «будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу постава, все измеряя его мерой... и окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины» [12]. В итоге разрушительное в отношении природы и человека «поставляющее» индустриальное производство окажется безальтернативным, закроет возможности изменений.

Есть ли выход? М. Хайдеггер надеется на возвращение к более раннему «раскрытию потаенного», на то, что изящные искусства, как и в эпоху Античности, будут снова призваны к «поэтическому раскрытию потаенного», к «вращиванию спасительного» [12]. Возможно, некоторым современным инженерам эта формула покажется маловразумительной и утопической. Действительно, каким образом возвращение к традиционной технике сможет решить, например, экологическую проблему? Ведь известно, что традиционные формы аг-

рарного производства в условиях существующего роста численности населения в слаборазвитых странах ведут к разрушению природной среды не в меньшей степени, чем формы индустриальные [13].

Однако следует подчеркнуть, что речь здесь, на наш взгляд, идет отнюдь не о буквальном возвращении к стадии традиционного производства, а, скорее, об известном философском принципе «возвращения к старому на более высоком уровне». Возможно, это покажется чересчур смелой мыслью, но нам кажется, что хайдеггеровское «поэтическое раскрытие потаенного» можно попытаться интерпретировать в свете становления шестого технологического уклада, основанного на конвергентных или NBICS-технологиях (нано-, био-, информационных, когнитивных, социальных). В связи со становлением производства, основанного на конвергентных технологиях, можно говорить о завершении так называемой «постиндустриальной трансформации» в связи с развитием новой технической и производственной базы. И вероятнее всего, «будущее нанообщество «вберет в себя» существующее сейчас информационное общество на качественно ином технологическом уровне» [14, с. 121–122]. Таким образом, об «абсолютной деиндустриализации», о «замене» материального производства производством «чистой информации» в ходе постиндустриальной трансформации речь, скорее всего, не идет. Наоборот: нанотехнологии в неразрывной связи с прогрессом информационных технологий, все более глубоко интегрируемых в реальный сектор экономики, могут стать основой принципиально новой индустрии, основой, если можно так выразиться, «наноиндустриального общества». В связи с этим интересно продолжить мысль одного из основоположников теории постиндустриализма О. Тоффлера, согласно которому «по многим признакам цивилизация Третьей волны (постиндустриальное общество – *A.B.*) несет в себе черты сходства с Первой волной (доиндустриальным обществом – *A.B.*), в частности, можно назвать децентрализацию и уменьшение масштабов производства... Мы наблюдаем нечто вроде диалектического возвращения к прошлому» [15, с. 538]. Может быть – конечно, если не считать постиндустриальную стадию «концом истории», – она играет в общественном развитии роль диалектического отрицания в триаде индустриализм – постиндустриализм (информационализм) – наноиндустриализм?

А если это так, то не следует ли по-новому взглянуть на «странный» тезис Хайдеггера о ренессансе «поэтического» в технической сфере в свете децентрализации производства и его очевидного движения в направлении производства молекулярного? Ведь молекулярное производство способно по принципу «снизу-вверх», от сложного к простому – повторяя путь природы, а не противореча ему, – «выращивать» любые объекты на основе их информационного описания из молекулярного сырья. Весьма любопытно в связи с этим, что известные нанообъекты, получаемые путем атомно-молекулярной сборки, по оценке экспертов, имеют очевидную эстетическую ценность [16].

Похоже, что конвергентные технологии действительно способны стереть грань не только между живым и неживым, между естественным и искусственным, но и между производством и искусством.

Однако очевидно, что техника и технология всегда применяются в системе определенных производственных отношений, о чем, как мы отмечали выше, справедливо говорил К. Маркс. И будет ли реализован описанный позитивный сценарий развития конвергентных технологий во имя гармонии всех сторон – человека, общества, техники и природы, будет зависеть от преобразования хозяйственных связей и социальных институтов. Новые технологии будут «по плечу» только новому обществу. Есть ведь, как известно, и другие возможности, выявленные футурологами на основе предположения, что поведение людей останется столь же иррациональным и эгоистичным: например, развитие конвергентных технологий в военной сфере с потенциально чрезвычайно опасными последствиями, сценарий «технологической сингулярности» по Р. Курцвейлу или, наконец, сценарий «grey goo» [17].

Как бы то ни было, техника шестого технологического уклада объективно конвергирует на пути формирования новой индустрии. Остановить этот процесс в современных условиях едва ли представляется возможным. Способны ли конвергировать столь различные способы осмысления развития техники и технологий, как натуралистическая концепция, основанная на идее научно-технического прогресса как объективного социального закона, и культурцентристская – основанная на идее сохранения человеческого в культуре, на идее сохранения человеческой субъективности и свободы? Рискнем выдвинуть тезис о том, что либо второй этап развития философии техники станет последним ее этапом в силу завершения «человеческой предыстории» в смысле исчезновения человеческой цивилизации или, по крайней мере, «аутентичного» человека, либо грядет третий этап развития философии техники, который будет способен гармонично соединить натуралистический и культурцентристский подходы в свете завершения «человеческой предыстории» в ином, более позитивном для нас смысле.

Список литературы

1. Техника в ее историческом развитии. От появления ручных орудий труда до становления техники машинно-фабричного производства. – М.: Наука, 1979. – 416 с.
2. Техника в ее исторической развитии (70-е годы XIX века – начало XX века). – М.: Наука, 1982. – 512 с.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Предисловие Заратустры [Электронный ресурс]. – URL: <http://tainoe.o-nas.info/index.php/books/105-nicshe01/767-nicshe0100> (дата обращения: 15.02.2015.)
4. Барышев М.А. Предмет философии техники: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Красноярск, 2006. – С. 5.

5. Маркс К. Речь на юбилее «The People's Paper» 14 апреля 1856 года // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1958. – С. 4.
6. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.
7. Социальные знания и социальные изменения / В.Г. Федотова, В.Б. Владова [и др.]. – М.: Изд-во Института философии РАН, 2001. – 284 с.
8. Внутских А.Ю. «Идея прогресса» и номологическое объяснение эволюции физической материи. // Новые идеи в философии / Перм. ун-т. – Пермь, 2014. – Вып. 1 (22). – Т. 1. – С. 47–57.
9. Чанышев А.Н. Начало философии. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 184 с.
10. Кутырев В.А. Бытие или Ничто. – М.: Алетейя, 2010. – 498 с.
11. Бердяев Н.А. Человек и машина [Электронный ресурс]. – URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1933_384.html (дата обращения: 10.02.2015.)
12. Хайдеггер М. Вопрос о технике [Электронный ресурс]. – URL: <http://philosophy.mit.edu/heidegger.htm> (дата обращения: 10.02.2015.)
13. Горнунг М.Б. Постоянно влажные тропики. – М.: Мысль, 1984 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-discipl/ecology/books/vchk-vin-discipl-ecol-tropics-ch3.html> (дата обращения: 12.01.2015.)
14. Давыдов А.А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования. – 2007. – № 3. – С. 119–125.
15. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
16. Nanotechnology Art Gallery [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nanotech-now.com/nanotechnology-art-gallery.htm> (дата обращения: 20.01.2015.)
17. Берд К. Нановойны, «серая слизь» и вопросы без ответов [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.computerra.ru/xterra/34735/> (дата обращения: 19.01.2015.)

Получено 30.01.2015

A.Y. Vnutskikh

NATURALISTIC AND CULTURECENTRIC PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY: IS THEIR SYNTHESIS POSSIBLE?

The applications of naturalism and cultural-centural as research programs in philosophy of technology are discussed in the article. The author believes that strength of the first program is the concept of scientific-technical progress as objective low. Strength of the second program is the emphasis on need of preservation and development of humanness as such in the culture. The author suggests that there is possibility of synthesis of these alternative programs as a result of philosophical research of tendencies and social impacts of NBICS- technologies in contemporary philosophy of technology.

Keywords: scientific research programs, naturalism, cultural centrism, stages and lows of philosophy of technology's development.